DOI: 10.31249/rsm/2024.02.01

О.И. Киянская

«СУД СЕЙ ОКОНЧИТЬ В 24 ЧАСА». ПОЛТАВСКИЙ ПЕХОТНЫЙ ПОЛК ПОСЛЕ ВОССТАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ[1]

Аннотация. *В статье речь идет о происшествии, случившемся в Полтавском пехотном полку 6 февраля 1826 г., когда один из офицеров, прапорщик С.И. Трусов, вышел перед строем, назвал императора Николая I «тираном», а солдатам предложил «броситься в штыки» на полковое начальство и тем обрести «вольность и независимость». Анализируется ход этого происшествия и основные версии случившегося: от сумасшествия Трусова до его членства в тайных декабристских организациях. На основе анализа источников автор приходит к выводу, что причиной поступка прапорщика действительно было психическое заболевание.*

Кроме того, предметом рассмотрения становится ход следствия по делу Трусова: его допросы в следственной комиссии при штабе 1-й армии и внезапное решение императора Николая I передать следствие в Полтавский полк. При этом император приказал полтавцам судить прапорщика в 24 часа и сам написал для подсудимого приговор. Делается вывод о том, что таким образом император проверял на лояльность офицеров, которые, как он полагал, были сильно затронуты декабристской пропагандой.

Статья написана на материале дел, хранящихся в Российском государственном военно-историческом архиве (г. Москва).

Ключевые слова: *декабристы; Полтавский пехотный полк; В.К. Тизенгаузен; М.П. Бестужев-Рюмин; С.И. Трусов; Е.Н. Троцкий; император Николай I.*

Киянская Оксана Ивановна – доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ); ведущий научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). Россия, Москва.
E-mail: kianoks@inbox.ru
Web of Science Researcher ID: H-8120–2013
Scopus Author ID: 57212137038

1. Работа выполнена в рамках проекта РГГУ «Медиапубличистика в историко-политическом и культурологическом контексте» (конкурс «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ»)

Kiyanskaya O.I. **«This trial shall be completed in 24 hours». Poltava Infantry Regiment after the Decembrist Uprising**

Abstract. *The article refers to a 6 February 1826 occurrence in the Poltava infantry regiment. On that day ensign S.I. Trusov came out in front of the ranks and called Emperor Nicholas I a «tyrant», suggesting that the soldiers «rush with bayonets» at the regimental authorities and thereby gain «freedom and independence». The researcher considers the course and the main reasons of that incident, from Trusov's insanity to him being a member in secret Decembrist organizations. Having analysed various sources, the scholar concludes that Trusov most likely was insane.*

Apart from that, the subject of consideration is the investigation procedure: interrogations of Trusov at the investigative commission at the headquarters of the 1st Army and the sudden decision of Emperor Nicholas I to transfer the investigation to the Poltava Regiment. Meanwhile, the emperor ordered the Poltava court to try the ensign within 24 hours and wrote the verdict himself. It is therefore concluded that the emperor was thus testing the officers' loyalty to him, as he believed them to have been profoundly affected by the Decembrist propaganda.

The article relies on materials of Russian State Military Historical Archive.

Keywords: *Decembrists; Poltava Infantry Regiment; V.K. Tizenhausen; M.P. Bestuzhev-Ryumin; S.I. Trusov; E.N. Trotsky; Emperor Nicholas I.*

Kiyanskaya Oksana Ivanovna – Doctor of Historical Sciences, Professor, Russian State University for the Humanities (RGGU); Leading Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN). Russia, Moscow.
E-mail: kianoks@inbox.ru
Web of Science Researcher ID: H-8120–2013
Scopus Author ID: 57212137038

Восстание Черниговского полка, начавшееся в ночь с 28 на 29 декабря 1825 г. и разгромленное 3 января следующего, 1826 г., потрясло без преувеличения всю Россию и весьма напугало только что вступившего на престол императора Николая I. Памятуя события на Сенатской площади, он писал брату Константину, что опасается, «как бы Полтавский полк, командуемый Тизенгаузеном», и некоторые другие воинские соединения, в которых – как уже стало известно – служили заговорщики, не примкнули к черниговцам [Междуцарствие 1926, с. 174].

Император недаром опасался Полтавского полка во главе с полковником Василием Тизенгаузеном, членом Южного общества. Полтавский и Черниговский полки состояли в 1-й бригаде 9-й пехотной дивизии 3-го пехотного

корпуса 1-й армии. Дислоцировались они недалеко друг от друга. Полковой квартирой черниговцев был уездный город Васильков, а полтавцев – местечко Ржищев; обе полковых квартиры располагались в Киевской губернии.

В полку числился и в восстании черниговцев участвовал подпоручик Михаил Бестужев-Рюмин, один из лидеров Южного общества.

Вспоминая Бестужева-Рюмина, Александр Боровков, в 1826 г. – правитель дел Следственной комиссии, писал: «Подпоручик Бестужев-Рюмин. Восторженный, отчаянный, деятельный, вкрадчивый, способный увлекать словом и энергиею. Он торжественно проповедовал свободомыслие, читал наизусть вольнодумные сочинения, раздавал с них копии, составлял прокламации, говорил речи, возбуждая к преобразованию правления» [Боровков 1898, с. 338].

Александр Бенкендорф, руководитель российской политической полиции, в 1826 г. – один из следователей по делу о «злоумышленных обществах», выразился лаконичнее. По его мнению, Бестужев-Рюмин был «демоном пропаганды» [Бенкендорф 2012, с. 338].

Под влияние Бестужева-Рюмина попали десятки офицеров, он провел переговоры о совместных действиях с Польским патриотическим обществом и присоединил к Южному обществу радикально настроенное Общество соединенных славян; некоторые из «славян» поклялись Бестужеву убить императора. Служебные же обязанности подпоручик исполнял плохо: пользуясь попустительством Тизенгаузена, он ездил по Российской империи, прежде всего по делам тайного общества. И полтавцы не могли не общаться с «демоном пропаганды» – даже притом, что он редко бывал в полку.

В Полтавском полку хорошо знали и руководителя восстания Черниговского полка, подполковника Сергея Муравьева-Апостола, ближайшего друга Бестужева-Рюмина. В 1821–1822 гг. Муравьев-Апостол тоже числился в Полтавском полку, хотя уже тогда был прикомандирован к полку Черниговскому; во второй половине 1822 – начале 1823 г. в полку служил старший брат Муравьева-Апостола, майор Матвей, весьма активный заговорщик. Сергей Муравьев-Апостол постоянно общался и с братом, и с Бестужевым, и с Тизенгаузеном, и, конечно, с окружавшими их офицерами. Естественно, декабристы надеялись, что этот полк – в случае начала военной революции – примет участие в революционном походе.

Правда, полтавцы – и об этом император к моменту написания письма не знал – в конце декабря 1825 г. находились далеко от мест своей дислокации, они участвовали в строительстве Бобруйской крепости на реке Березине, в Минской губернии. К мятежникам они – даже если бы Тизенгаузен того хотел – присоединиться физически не могли, и в ночь с 4 на 5 января полковой командир был арестован.

* * *

Но несмотря на арест командира-заговорщика и разгром восстания черниговцев Полтавский полк не остался в стороне от событий конца 1825 – начала 1826 г. После ареста Тизенгаузена полком командовал временный командующий, новый же полноправный командир, подполковник Захар Левицкий-Лазницкий, прибыл в полк 5 февраля.

На следующий день, когда новый командир, приступая к своим обязанностям, осматривал 1-й батальон полка, случилось, согласно его рапорту, следующее. 25-летний прапорщик Трусов вышел из рядов и, обращаясь к солдатам, «кричал вслух»: «Ребята, бросайтесь в штыки, найдем вольность и независимость ни от кого, у нас государь несть государь, а тиран!». При этом прапорщик «даже такие произносил выражения в присутствии целого батальона на особу Его императорского величества и всю царскую фамилию», которые командир полка «не смел выразить на бумаге». Опешившие командир и офицеры несколько минут не препятствовали злоумышленнику, шедшему вдоль солдатских шеренг. Один из офицеров, командир роты штабс-капитан Домбровский, первым пришел в себя и попытался унять дерзкого прапорщика, но Трусов стал угрожать ему шпагой. Справиться с Трусовым смог только командир полка, подоспевший на помощь Домбровскому и приказавший полковому адъютанту, поручику Сумцову, арестовать смутьяна [РГВИА. Ф. 16231. Оп. 1. Д. 852. Л. 5–5 об.]

О Степане Ивановиче Трусове известно немного. Он был родным младшим братом хорошо знакомого арестованным декабристам столичного плац-адъютанта штабс-капитана Трусова 1-го, смотрителя Алексеевского равелина Петропавловской крепости. В источниках есть сведения и еще об одном его старшем брате, служившем в начале 1820-х годов в Низовском пехотном полку. Братья происходили «из дворян Санкт-Петербургской губернии». Семья их была бедной: недвижимого имения у братьев не было. Отец служил надворным советником, однако к 1810 г. он уже умер. Очевидно, умерла и мать: Степан Трусов числился кадетом в Военно-сиротском доме, куда принимали детей погибших или умерших дворян. Согласно послужному списку, в Военно-сиротском доме его обучали «геометрии, алгебре, арифметике, полевой фортификации, ситуации, рисованию, языкам российскому, французскому и немецкому, географии и истории».

В октябре 1821 г. он был выпущен прапорщиком в Низовский полк, к брату. Прослужив чуть больше года, вышел в отставку и поселился в столице, однако еще два года спустя, в марте 1825 г., вновь определился на службу – в Полтавский полк [РГВИА. Ф. 16231. Оп. 1. Д. 897. Л. 85 об.; Д. 863. Л. 14, 15, 18 об.–19; Д. 852. Л. 2 об.]

На допросах Трусов называл причиной своего поступка «помешательство ума», «временный болезненный припадок», который случился с ним не в первый раз. Он утверждал, что нечто подобное произошло и в Низовском полку: «В присутствии полкового командира подполковника Левенталя и адъютанта его Парского, бросив ему шпагу», говорил, что чувствует себя «неспособным продолжить службу». Получив отставку и уехав в столицу, он жил у брата – плац-адъютанта и лечился у доктора Петропавловской крепости, «крепостного штаб-лекаря Елькина». Однако лечение не принесло успеха, и «припадки, подобные сему», повторялись [РГВИА. Ф. 16231. Оп. 1. Д. 852. Л. 8–8 об., 46].

Версии о сумасшествии прапорщика придерживался поначалу и подполковник Левицкий-Лазницкий. По его словам, Трусов «выбежав из глубины колонны с обнаженною шпагою, походил на сумасшедшего».

Рассматривалось и другое объяснение произошедшего: Трусов был пьян. Перед тем, как выйти перед строем, прапорщик якобы «несколько раз ходил в близи находящийся трактир и с неумеренностью употреблял горячие напитки» [РГВИА. Ф. 16231. Оп. 1. Д. 863. Л. 15–15 об., 41; Д. 852. Л. 8 об., 13].

Еще одну версию предложил Иван Горбачевский, знаменитый летописец декабристского Общества соединенных славян. В мемуарах он настаивал на том, что Трусов, которого он называет «поручиком» и «ротным командиром», принадлежал к числу «пылких и решительных молодых людей» и был заговорщиком. По Горбачевскому, Трусов дал слово «действовать по общему плану и поднять знамя свободы при первом знаке к восстанию», и слово свое сдержал.

Поступок Трусова Горбачевский датирует началом января, временем, когда «разнесся слух» о восстании Черниговского полка. Выйдя перед строем, он якобы закричал: «Товарищи, солдаты, за нами! Черниговцы восстали: стыдно нам от них отстать! Они сражаются за вашу свободу, за свободу России; они надеются на нашу помощь. Пособим им, – вперед, ура!».

Согласно рассказу Горбачевского, «подпоручик» Трусов был арестован полковником Тизенгаузеном, который еще оставался на свободе. При этом Тизенгаузен вел себя неподобающим декабристу образом: велел связать бунтовщика и надеть на него кандалы. А в рапорте о случившемся характеризовал своего подчиненного как пьяницу, бунтовщика, грабителя и пр. [Горбачевский 1963, с. 99–101].

До Горбачевского рассказ об этой истории явно дошел через третьи руки: акт Трусова последовал через месяц после восстания черниговцев, Трусов был прапорщиком и никогда не командовал ротой, а Тизенгаузен к моменту происшествия давно уже сидел в тюрьме.

Но соблазн увидеть в Трусове декабриста велик. М.В. Нечкина, например, утверждала – основываясь на свидетельстве Горбачевского – что

прапорщик был принят в Славянское общество. А происшествие в Полтавском полку было, по ее мнению, осколком не успевшего реализоваться «широкого плана действий» заговорщиков «с расчетом на ряд других полков» [Нечкина 1955, с. 391]. Нечкина права в том, что подобного рода планы в декабристской среде обсуждались постоянно, однако какое место в этих планах могло быть отведено Трусову – неясно. Кроме того, нет никаких свидетельств – кроме позднейшего рассказа Горбачевского – о том, что прапорщик был заговорщиком.

Согласно Горбачевскому, Трусов действовал не один, вместе с ним «поднял знамя свободы» и произносил перед Полтавским полком возмутительные речи его товарищ, тоже член Общества соединенных славян «поручик Троцкий» [Горбачевский 1963, с. 99–101]. 23-летний подпоручик, а не поручик Емельян Николаевич Троцкий действительно участвовал в этой истории, однако не произносил приписываемых ему Горбачевским слов.

Троцкий происходил «из дворян Витебской губернии и уезда», нигде не учился и был плохо образован – согласно послужному списку, «российской грамоте читать и писать знает». В Полтавский полк он определился подпрапорщиком (унтер-офицером дворянского происхождения) в декабре 1818 г., в марте 1820 был произведен в прапорщики, а подпоручиком стал в мае 1823 г. [РГВИА. Ф. 16231. Оп. 1. Д. 852. Л. 10 об.–11].

Выяснилось, что Троцкий – приятель Трусова – накануне инцидента болел, лежал в госпитале. Навестивший его Трусов «что-то говорил с жаром», однако рассказавшие об этом разговоре офицеры не знали, о чем шла речь – они находились в другой комнате и через стену не могли расслышать сказанное.

Узнав о разговоре, который в документах следствия быстро дорос до статуса «тайных переговоров», генерал-майор Павел Нагель, «командир отрядов при построении крепостей Динабургской и Бобруйской», пригласил к себе на квартиру командира полка вместе со всеми офицерами, «а равно и подпоручика Троцкого». Нагель интересовался у Троцкого, «не говорил ли с ним Трусов чего-нибудь насчет правительства, но он, Троцкий, не хотел сознаться». Когда же Левицкий-Лазницкий «начал убеждать его, чтобы он сказал откровенно пред начальством», то подпоручик «отвечал с азартом»: «Полковник, я уже раз вам сказал, что ничего мне не говорил Трусов, чего же вы от меня требуете?».

«За таковую его дерзость и непочтительность к начальству» Нагель приказал арестовать подпоручика. Но «когда к помянутому Троцкому по приказанию коменданта поставлен был вестовой по случаю подозрения на него, то он, Троцкий, вытолкал такового из комнаты с причинением еще и побоев» [РГВИА. Ф. 16231. Оп. 1. Д. 897. Л. 43–43 об.].

Как сам Троцкий впоследствии объяснял, причиной «дерзости» была «потеря хладнокровия» из-за «безосновательного подозрения» в прикосно-

венности «к поступку Трусова». «О намерении прапорщика Трусова учинить преступление я совершенно не знал и с ним согласен не был», – показывал Троцкий.

В ходе допросов обоих обвиняемых выяснилось, что разговор между Трусовым и Троицким действительно не имел отношения к делу: приятели эмоционально разговаривали «об российской истории», «о дальновидности и прозорливости покойного князя Кутузова-Смоленского» и о назначении нового полкового командира. Ничего из того, что могло бы касаться «религии, правительства или особы государя императора и царской фамилии», обсуждаемо не было [РГВИА. Ф. 16231. Оп. 1. Д. 863. Л. 22 об.; Д. 852. Л. 47, 54 об., 55].

Однако из-за своей «дерзости» Троцкий попал под суд вместе с Трусовым.

В день происшествия, 6 февраля, Левицкий-Лазницкий донес о случившемся коменданту Бобруйской крепости генерал-майору Карлу Бергу. В тот же день Берг отправил копию рапорта в Могилев, где дислоцировался штаб 1-й армии. 7 февраля в Могилев под конвоем был отправлен и сам Трусов.

Главнокомандующий 1-й армией генерал от инфантерии Фабиан Остен-Сакен 8 февраля распорядился: «Сей час на прапорщика Трусова наложить кандалы и содержать под строгим караулом, а между тем назначить военный суд при Главной квартире». Сакен приказал также «о сем происшествии донести с отъезжающим сегодня фельдъегерем начальнику Г[лавного] ш[таба] Его величества, препроводив копию с рапорта подпол[ковника] Левицкого-Лазницкого» [РГВИА. Ф. 16231. Оп. 1. Д. 897. Л. 1–3].

* * *

Ход следствия по этому делу столь же интересен, как и обстоятельства поступка Степана Трусова и анализ причин этого поступка. Следствие велось нетипично для постдекабристского времени, когда малейшее подозрение в участии в заговоре порождало обширную переписку и подробное выяснение обстоятельств. Расследование же по этому делу проводилось с феноменальной скоростью: антиправительственный поступок Трусов совершил 6 февраля, а через две недели, 20 февраля, он был осужден.

Следствие прошло три стадии. На первой стадии Нагель и Берг, исполняя приказ главнокомандующего Сакена, по крайней мере дважды собирали офицеров-полтавцев и опрашивали их о происшествии и о личности преступника. В ходе этих опросов офицеры рассказали о разговоре в госпитале, а Троцкий «дерзил» начальству. Кроме того, в Бобруйске успели допросить полкового лекаря. Лекарь заявил, что подсудимый «всегда был здорового сложения» и «был только болен две недели пред тем простудою горла, болезнью, не имеющею никакого влияния на расстройство рассудка».

Были допрошены также унтер-офицеры, ефрейторы и «старослужащие солдаты» роты, в которой числился Трусов; ничего подозрительного в поведении прапорщика – до его поступка – они не заметили [РГВИА. Ф. 16231. Оп. 1. Д. 852. Л. 8–8 об.; Д. 863. Л. 25–25 об.].

На втором этапе дело передали в комиссию военного суда при Главной квартире 1-й армии, работавшей под председательством генерал-майора Ивана Набокова. Комиссия эта была создана для проведения следствия над офицерами восставшего Черниговского полка. Среди прочих документов в комиссию поступил и протокол первого допроса Трусова; допрос этот 8 февраля провел начальник Главного штаба 1-й армии генерал-лейтенант Карл Толь.

К разбирательству в отношении Трусова комиссия приступила 10 февраля. В тот же день он был снова допрошен, но ничего нового по сравнению с первым допросом, у генерала Толя, не показал [РГВИА. Ф. 16231. Оп. 1. Д. 863. Л. 14–16 об.].

Комиссия подошла к делу со всей серьезностью. Для начала она нашла, что начальство Бобруйской крепости вело опрос офицеров неправильно. Отступление от правил судопроизводства состояло в том, что «штаб- и обер-офицеры по столь важному происшествию спрошены были без присяги, и без письменных вопросов, и без утверждения своим подписом». А следовательно, при вынесении приговора «судная комиссия» могла встретить «немаловажное затруднение» [РГВИА. Ф. 16231. Оп. 1. Д. 863. Л. 10, 22 об.–23; Д. 852. Л. 6–7 об., 14–14 об.].

16 февраля офицеры и нижние чины Полтавского полка были приведены к присяге, у них были отобраны письменные показания. У свидетелей интересовались обстоятельствами дела, а также выясняли, казался ли прапорщик сумасшедшим или, скорее, был пьян. Большинство офицеров ответили, что прапорщика Трусова с бóльшей уверенностью «можно было почесть… сумасшедшим, нежели нетрезвым».

Был снова допрошен прикомандированный к Полтавскому полку лекарь, который подтвердил, что Трусов «был одержим опухолью подчелюстных желез, но болезнь сия была самая маленькая, не препятствующая больному пользоваться общим здоровьем», что болезнь его была быстро вылечена, а после излечения он находился «при здравом рассудке и надлежащей крепости сил телесных». Впрочем, лекарь добавил: «имел ли упомянутый Трусов какие-либо и когда припадки сумасшествия, то я, служа с ним в одном полку не более трех месяцев, и в продолжении сего времени не имев частых свиданий, заметить не мог, равно неизвестно мне и то состояние здоровья Трусова, в котором он учинил преступление».

Тогда же, 16 февраля, комиссия допросила содержателя трактира в Бобруйской крепости. У него интересовались, заходил ли Трусов в трактир во время смотра и если заходил – то сколько выпил «горячих напитков». Ком-

мерсант ответил, что поскольку не знает офицеров «лично и по фамилиям», то и ответить на поставленный вопрос не может [РГВИА. Ф. 16231. Оп. 1. Д. 852. Л. 21–33 об., 20; Д. 863. Л. 50–54].

Логично было предположить, что комиссия рассмотрит бумаги, найденные у Трусова при обыске, допросит содержавшихся под стражей офицеров-черниговцев о принадлежности и Трусова, и Троцкого к тайному обществу. Логичен был и запрос в столицу, в адрес Тизенгаузена и Бестужева-Рюмина. Об обстоятельствах пребывания и лечения Трусова в Санкт-Петербурге вполне можно было бы спросить у его брата, плац-адъютанта, и у упомянутого на допросе Густава Элькана, штаб-лекаря Петропавловской крепости.

Кроме того, еще 9 февраля дежурный генерал 1-й армии генерал-лейтенант Карл Ольдекоп просил корпусного командира полтавцев, генерал-лейтенанта Логгина Рота, поручить «благонадежному чиновнику» «допросить офицеров Низовского пехотного полка, знающих ближе Трусова». Низовцам следовало задать вопрос, «заметили ли они когда его, Трусова, в прописанных болезненных припадках». Предстояло также выяснить, «по какой точно причине Трусов вышел в отставку из Низовского полка». Необходимо было спросить и полкового лекаря низовцев, «чем и когда» был болен Трусов и «какие последовали успехи в лечении его» [РГВИА. Ф. 16231. Оп. 1. Д. 863. Л. 8 об.].

Очевидно, планировалось задать вопросы и командиру Низовского полка подполковнику Федору Левенталю – который к тому времени тоже был арестован по подозрению в причастности к антиправительственному заговору [ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 195. 21 л.]. Были в планах комиссии и другие следственные действия.

Но собрать все необходимые справки комиссия Набокова просто не успела; она проработала с делом Трусова всего восемь дней.

* * *

18 февраля начался третий, заключительный этап следствия. В этот день главнокомандующий Сакен получил императорское предписание, переданное начальником Главного штаба Иваном Дибичем: «Если суд над прапорщиком Трусовым еще не кончен при Главной квартире армии, то… судить его в своем полку с тем, чтоб суд кончен был в 24 часа и представлен на конфирмацию Вашего сиятельства». При этом император заранее вынес прапорщику приговор: «Если происшествие окажется в представленном в рапорте подполковника Левицкого-Лазницкого виде, лишить Трусова чина и дворянского достоинства, преломить шпагу над его головою и, заковав пред полком, потом отправить в Бобруйскую крепость в крепостную работу» [РГВИА. Ф. 16231. Оп. 1. Д. 897. Л. 31–31 об.].

Император, конечно, прекрасно понимал, что суд над прапорщиком еще не может быть «кончен»; цель его состояла именно в превращении офицеров-полтавцев в следователей и судей. 18 февраля генерал-майор Набоков получил приказ начальника армейского штаба генерала Толя: «По Высочайшему повелению» «подсудимый оной комиссии прапорщик Полтавского пехотного полка Трусов отправляется для суждения в означенный полк, а потому предлагаю оной комиссии делопроизводство об нем, Трусове, прекратив у себя, представить оное ко мне».

На следующий день, 19 февраля, соответствующее предписание получил и подполковник Левицкий-Лазницкий, чей полк в тот момент был на походе, шел из Бобруйска на свои постоянные квартиры. Подполковник назначил новую комиссию военного суда, из офицеров-полтавцев. Председателем ее стал майор Хитрово 2-й, членами же – капитан Устимович, штабс-капитан Погорелов, поручики Ситников и Карлызеев, подпоручик Иванов и прапорщик Горников. Асессором, секретарем суда был назначен подпрапорщик Яков Драгоманов.

Хитрово было передано императорское распоряжение: «Суд сей окончить в 24 часа» [РГВИА. Ф. 16231. Оп. 1. Д. 863. Л. 54; Д. 852. Л. 1–1 об.]. Трусова привезли в полк, где содержали «под строгим караулом» и в кандалах; под арестом содержался и Троцкий.

За сутки комиссия под руководством Хитрово успела только обобщить показания офицеров, нижних чинов и полкового лекаря, 19 февраля формально допросить Трусова и 20 февраля – Троцкого [РГВИА. Ф. 16231. Оп. 1. Д. 852. Л. 45–47 об.; 54 об.–55]. В тот же день, 20 февраля, последовал приговор.

Офицеры под руководством Хитрово заключили, «что Трусов прежде того имел… намерение ко учинению вышезначущегося дерзкого преступления», а потому приговорили прапорщика к «лишению живота» «отсечением головы». Троцкого же суд не нашел «по делу виновным более, как только в неумеренной горячности и непочтительных ответах начальству», и «о взыскании за сию последнюю вину» представил «на благорассмотрение вышнего начальства».

22 февраля приговор конфирмировал главнокомандующий Сакен. Его конфирмация по делу прапорщика дословно повторяла императорский приказ: «Трусова за дерзкий и буйственный поступок, лиша чинов и дворянского достоинства, переломить шпагу над его головою и, заковав перед полком, потом отправить в Бобруйскую крепость в крепостную работу». Не обозначенный в приговоре срок означал вечную каторгу. Подпоручика же Троцкого «за грубый ответ к начальству» следовало «посадить в ту же крепость на один год с выдержанием в каземате».

25 февраля Трусов был разжалован перед полком, после чего обоих виновных отправили под конвоем назад, в Бобруйск [РГВИА. Ф. 16231. Оп. 1. Д. 852. Л. 72–72 об., 73 об., 62; Д. 897. Л. 44].

А через три дня, 28 февраля, началось следствие в Низовском полку: постфактум выясняли, говорил ли уже осужденный Трусов правду, рассказывая о своем припадке 1822 г. 11 марта был допрошен вышедший к тому времени в отставку штабс-капитан Низовского полка Парский, который подтвердил, что Трусов на построении действительно «бросил шпагу прямо к ногам полкового командира» Левенталя, за что и был арестован, но вскоре отпущен, а шпага ему была возвращена. Этот «его поступок с полковым командиром» доказывал, что прапорщик был нездоров, поскольку «здравомыслящий человек никогда б сего не учинил».

Бывший лекарь Низовского полка, коллежский советник Качура, показал, что видел у Трусова «признаки меланхолической болезни его, как то: задумчивость, угрюмость, быстроту глаз, неохоту к разговору и все вообще припадки, к отступлению от здравого рассудка ведущие».

Почти все офицеры Низовского полка под присягой подтвердили: Трусов «действительно был в меланхолической болезни и временами даже отступал от здравого рассудка». Соответствующее объяснение генерал Рот отправил в штаб 1-й армии [РГВИА. Ф. 16231. Оп. 1. Д. 897. Л. 54, 85–85 об., 61 и др., 50].

Прапорщик действительно был болен, и поступок его был вызван обострением болезни, а не пьянством и не членством в тайном обществе. «Помешательству ума» безусловно способствовали недавние обстоятельства: восстание в столице, мятеж и разгром черниговцев, арест Муравьева-Апостола, Бестужева-Рюмина и Тизенгаузена, смена полкового командира.

Однако сведения из Низовского полка пришли слишком поздно: все приказы, в том числе и императорский, были уже изданы, Трусов был приговорен к вечной каторге, и помочь ему уже никто не мог.

* * *

История, произошедшая с Трусовым, Троцким, майором Хитрово и другими офицерами-полтавцами кажется странной лишь на первый взгляд. Не зная, чего ожидать от Полтавского полка, который не мог не быть затронут пропагандой Бестужева-Рюмина, император решил не проводить в полку особого следствия, но устроить офицерам жесткую проверку на лояльность. Для этого идеально подходил поступок Трусова.

Естественно, офицеры хотели жить, служить и пользоваться свободой, тем более что разгром тайных общество был тотальным. Однако, беспокоясь о собственных жизнях и карьерах, полтавцы – по понятиям того времени о дворянской и офицерской чести – стали предателями и подлецами.

Отвечая на вопросы Нагеля и Берга, офицеры всячески отрекались и от Трусова, и от Троцкого. Они оклеветали Трусова: беседуя с крепостным начальством, утверждали, что прапорщик «был часто замечаем в невыполнении

приказаний начальства, за что по мере вины был наказываем арестом и нарядом в неочередь в должность» – однако никаких доказательств своим словам не привели. Они рассказали также, что прапорщик читал, в частности, «вольнодумные» сочинения и «вовлекаем был в безрассудные суждения». Однако такого рода сочинений при обыске не нашли, осталось неясным, кем был вовлекаем прапорщик в опасные разговоры. Кроме того, офицеры заявили, что «по доставлении» Трусова «на гауптвахту он был бесчувственно пьян, и до самого отправления его в главную квартиру без просыпу спал» – что в ходе следствия не подтвердилось [РГВИА. Ф. 16231. Оп. 1. Д. 852. Л. 13; 37 об.–38, 45, 8, 21 об.].

Всеми силами офицеры старались убедить власти, что не были соучастниками Трусова: показывали, что он, «находясь короткое время в полку, не имел ни с кем из офицеров дружеских связей»; что они его «чуждались». И убеждали следствие, что «не только не имели одинаких мыслей с Трусовым, но и гнушаются поступком его» [РГВИА. Ф. 16231. Оп. 1. Д. 863. Л. 22, 15–15 об.; Д. 852. Л. 13].

Именно офицеры-полтавцы донесли об услышанном в госпитале разговоре Трусова с Троцким – и тем самым обрекли ни в чем не виноватого Троцкого на наказание. О подпоручике следствие тоже судило с их слов: «по засвидетельствованию штаб- и обер-офицеров полка», Троцкий был известен «за офицера весьма дерзкого, без всякого чиноповиновения» [РГВИА. Ф. 16231. Оп. 1. Д. 852. Л. 8 об.].

Император, получивший первые сведения о поведении офицеров, не мог не воспользоваться ситуацией, и заставил их – вдобавок к и так незавидной роли, которую они сами для себя избрали – стать палачами своих товарищей. Приняв участие в следствии, полтавцы расписались в лояльности новой власти, в том, что в дальнейшем они будут ревностными исполнителями высочайшей воли.

Когда же офицеры прошли проверку, их связи с заговорщиками стали властям не интересны. И в дальнейшем большинство полтавцев, заподозренных в дружбе с Бестужевым-Рюминым и Тизенгаузеном и участии в тайных обществах, неприятностей избежали.

Среди избежавших неприятностей был, в частности, майор Хитрово, председатель комиссии военного суда. Уже после окончания следствия над Трусовым и Троцким появились показания, что майор «весьма был облагодетельствован Бестужевым», а оба они – и Хитрово, и Бестужев – «были покровительствуемы полковником Тизенгаузеном». Появились и сведения о том, что Хитрово, «вероятно, состоял в обществе». Однако майора к следствию не привлекли. Не привлекался к следствию и капитан Устимович, частый посетитель Василькова – полковой квартиры черниговцев [Восстание 1929, с. 307; ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 245. Л. 44, 45 об.; Декабристы 1988, с. 329, 252,

263–264]. Следствие ограничилось собиранием справок, из которых следовало, что в тайном обществе Хитрово и Устимович не состояли.

Вскоре после вынесения приговоров Трусову и Троцкому выяснилось, что подпрапорщик Яков Драгоманов был активным членом Общества соединенных славян. Горбачевский характеризовал его как «ревностнейшего члена» общества и даже утверждал в мемуарах, что именно он принял Трусова и Троцкого в заговор [Горбачевский 1963, с. 99–100]. Драгоманов знал цели заговорщиков и присутствовал на их совещаниях. Однако он был аудитором комиссии в Полтавском полку, а также лично допрашивал нижних чинов – свидетелей выступления Трусова [РГВИА. Ф. 16231. Оп.1. Д. 852. Л. 35, 29].

Поэтому император «повелеть соизволил»: «Драгоманова… выдержать три месяца в крепости и потом перевесть в полки 3-й пехотной дивизии под строгий надзор полкового, бригадного и дивизионного начальства» [Драгоманов 2001, с. 304–305, 316]. Приговор заговорщику Драгоманову оказался, таким образом, гораздо мягче, чем виноватому лишь в дерзости Троцкому.

* * *

Исключение из в общем благополучных судеб офицеров-полтавцев – судьба поручика Алексея Усовского, состоявшего, как и Драгоманов, в Обществе соединенных славян. Его вина не отличалась от вины того же Драгоманова: он тоже мало знал и не принимал участия в реальном восстании.

Об Усовском известно чуть больше, чем о Трусове и Троцком: он родился в 1802 г. в городе Переяславле Полтавской губернии, где его матери принадлежал «дом и несколько душ крестьян», в январе 1820 г. окончил 2-й Кадетский корпус, а после окончания корпуса три года служил при этом учебном заведении. В 1823 г. его произвели в поручики и перевели во фронт – в Полтавский полк, где дали под команду роту.

Подчиненные любили ротного командира. По свидетельству Тизенгаузена, Усовский «весьма редко прибегал к телесным наказаниям, да и то к самым умеренным, и вообще по кроткому и тихому характеру своему приобрел общую любовь со стороны гг. офицеров и нижних чинов 3-й мушкетерской роты» [РГВИА. Ф. 16231. Оп. 1. Д. 793. Л. 13–13 об.].

Поручик принадлежал к кружку бывших кадетов 2-го Кадетского корпуса, из стен которого вышли многие члены Общества соединенных славян. Усовский дружил с Горбачевским, прапорщиком-«славянином» Владимиром Бечасным, участником восстания Черниговского полка поручиком Анастасием Кузьминым [Усовский 2001, с. 289–290, 284–285]. Именно Горбачевский рассказал Усовскому в конце 1824 г. о «славянах». Горбачевский показывал, что разговор об обществе был шутливым: «пивши чай», бывшие однокашники читали стихи и говорили, в частности, «об масонах и об обществах».

«Между сими разговорами» Горбачевский предложил товарищу «сказать все» о тайном обществе, в котором он состоял. Горбачевский дал Усовскому почитать документы Общества соединенных славян, но полтавский поручик «смеялся», говорил, что он «никогда на сие не согласен» и не хочет «и знать ничего» [Усовский 2001, с. 284, 285].

До 1825 г. биография Усовского мало чем отличалась от многих подобных биографий бывших кадетов. Однако в марте этого года в его жизни случилась история, едва не закончившаяся катастрофой. Поручик, пользовавшийся доверием начальства, получил приказ сопровождать в Петербург, в гвардию, специально отобранных солдат 9-й пехотной дивизии, отличавшихся от других хорошим поведением и успехами в военном деле.

Однако до столицы команда Усовского не дошла. По дороге в гвардию выяснилось, что, как сказано в приказе главнокомандующего Сакена, «назначения сего удостоены были люди дурной нравственности и с порочными наклонностями. Офицер, препровождавший команду, на первых переходах вынужден был употребить строгость, чтоб остановить буйство их и защитить обывателей от насилия» [РГВИА, Ф. 14414. Оп. 10/ 291 (11 а), св. 16 (229). Д. 103. Приказ от 9.04. 1825 г. № 51].

Впрочем, «строгость» Усовскому не удалась. Поручик попытался наказать палками четверых зачинщиков, но один из них, рядовой Черниговского полка Кирилл Котиков, «с особенною вольностию и шумом» сказал другому, рядовому Алексопольского полка Алексею Паршину, «чтобы он не раздевался, потом оба с дерзостию отвечали, что они ни в чем не виноваты и наказывать себя не позволят». Двое других, которых поручик тоже собирался наказать, «также говорили ему, Усовскому, что он их напрасно наказывает, почему все они и остались тогда ненаказанными». Иными словами, командир пожалел солдат и согласился отменить наказание.

После этого дисциплина в команде рухнула: почувствовав силу, ненаказанные зачинщики перестали слушаться Усовского. Котиков продолжал «делать обиды и побои обывателям, притом вызывал всю команду делать офицеру незаконные требования»; некоторые солдаты последовали его примеру [РГВИА. Ф. 16231. Оп. 1. Д. 793. Л. 4–4 об., 17]. Согласно приказу Сакена, рядовые «в продолжение пути опорочили они себя новыми дерзостями и, наконец, некоторые из них обнаружили явное ослушание против начальника команды».

В результате вместо гвардейской службы главные виновники «буйства» были прогнаны сквозь строй, а Котиков после этого отправился на каторгу. Командиры полков, из которых были отобраны солдаты, получили «строгое замечание» в приказе по армии, а несколько офицеров – ротные командиры взбунтовавшихся солдат – были арестованы на два месяца «с содержанием на

гауптвахте» [РГВИА. Ф. 14414. Оп. 10/ 291 (11 а), св. 16 (229). Д. 103. Приказ от 9.04. 1825 г. № 51].

У следователей возникли вопросы не только к ним, но и к самому Усовскому. Александр I, узнав об этой истории, подозревал, что солдаты вышли из повиновения из-за непомерной строгости командира, он велел «строго исследовать, каким образом уже на первых переходах означенной команды офицер, коему она была поручена, принужден был наказывать людей, и какого были поведения как их начальствующий офицер, так и нижние чины на службе в прежних полках до сего времени».

Но выяснилось, что все было как раз наоборот: «Весьма вероятно, что мысль о временном начальстве поручика Усовского и ожидаемого от того послабления, с другой стороны – дурной пример и вызовы одного испорченного человека могли склонить к шалостям и самых добрых, но слабых людей».

Усовского от наказания спасла блестящая характеристика, данная ему Тизенгаузеном, а также тот факт, что «как относительно довольствия и призрения, так и образа командования офицера» его команда «никаких жалоб на него не объявила, и даже сами прикосновенные к беспорядкам притязаний к нему изыскать не могли» [РГВИА. Ф. 16231. Оп. 1. Д. 793. Л. 14 об., 17, 16–16 об.].

Однако ротой в Полтавском полку Усовский больше не командовал, а с Тизенгаузеном у него вскоре возник конфликт. Друзьям он рассказывал, что полковой командир «его гонит и что чрез него он должен или в отставку выйти, или в другой полк проситься».

Сложно сказать, какие именно эмоции испытал поручик после всего произошедшего. Однако вскоре он вступил в Общество соединенных славян. Черниговский поручик Кузьмин, его близкий друг, «победил» его «несогласие и упорство». На следствии, пытаясь выгородить поручика, Горбачевский показывал, что либеральных мыслей Усовский не имел, что им двигал лишь «интерес»: «славяне» просили Бестужева-Рюмина поговорить с Тизенгаузеном, чтобы он «не гнал» своего подчиненного, и Бестужев обещал урегулировать конфликт [Усовский 2001, с. 285].

Поручик не имел отношения ни к восстанию Черниговского полка, ни к суду над Трусовым и Троцким: 4 ноября 1825 г. он «отправился в отпуск в Полтаву, Переяслав[ль] и Прилуки на 28 дней и, находясь в Переяславе, заболел простудною лихорадкою, представя о том свидетельство». Прибыл поручик в полк только 10 марта 1826 г., а через 8 дней был арестован; следствие над ним велось в Могилеве, в комиссии Набокова. Поручика обвиняли лишь в «сокрытии им от начальства бытности его членом Славянского общества и о известности ему, что целию того общества были некоторые перемены в правительстве» [РГВИА. Ф. 16231. Оп. 1. Д. 873. Л. 1 об.].

Но, не связанный высочайшей «проверкой» в связи с делом Трусова, на следствии Усовский отвечал гордо и дерзко.

Поручик показывал, что не мог «взирать без сердечного соболезнования» на крепостное право, «сие исчадие грубого невежества, лишающее тысячи людей свободы, сего драгоценнейшего права природы, обрекает их на всю их жизнь на одни бедствия». Он утверждал, что член тайного общества должен был «внушать своим знакомым», что «права дворян совершенно пренебрежены и нарушены, а в особенности служащих в военной службе», солдаты «обременены тягостною и долговременного службою», а «законы наши совершенно обессилены беспрестанно издаваемыми указами, отчего они в руках корыстолюбивых судей бывают орудием несправедливости». Он был согласен с другими участниками заговора и в том, что России нужна конституция, «которая бы определяла права каждого сословия и обеспечивала свободу и собственность каждого гражданина». Цели тайного общества, уверял поручик следователей, вполне согласовывались с его мыслями, и он «не мог уже предполагать» ничего «вредного и опасного для государства» в тайном обществе, имевшем «столь благие намерения» [Усовский 2001, с. 291–292].

С большим пиететом отзывался Усовский и о Бестужеве-Рюмине, своем однополчанине, и о Сергее Муравьеве-Апостоле, и о других руководителях заговора – прекрасно зная не только о 14 декабря и о восстании Черниговского полка, но и о приговоре над главными участниками заговора. «Судя по доверенности, отличному уважению и любви, коими пользовались от всех подполковник Муравьев-Апостол, полковник князь Трубецкой, полковник Тизенгаузен, подпоручик Бестужев-Рюмин, и к коим и я не мог не питать сих чувств, я не мог никак думать, чтобы предприятия сих людей, известных многим единственно только по отличным своим качествам, воспитанию и благородному образу мыслей, могли иметь что-либо вредное для России и для всего человечества», – показывал поручик 23 декабря 1826 г.

И добавлял: «Я знаю, впрочем, что пути, коими должны были достигать до исполнения сих предприятий, и эти самые сии предприятия были противузаконные, но видел в них много такого, что могло споспешествовать к благоденствию моего отечества, и полагал, что гораздо простительнее быть виновным в нарушении законов, нежели в равнодушии и нечувствительности к благу и славе моего отечества».

Такое поведение грозило уже большим каторжным сроком. Поэтому, вероятно, поручика уговаривали покаяться – чтобы хоть немного облегчить свою участь. Кто-то из следователей дал ему почитать «Донесение Следственной комиссии», составленное по итогам главного петербургского разбирательства и опубликованное в открытой печати. Покаяние Усовского последовало накануне приговора, 24 декабря 1826 г.: «Увидев истинное объяснение настоящей цели сих обществ, из коих к одному и я принадлежал, ужасаюсь

при представлении себе тех зол и бедствий, в кои сии общества, как видно из объяснения их цели… намеревались ввергнуть Россию… Изъявляю искреннее мое раскаяние в том, что, питая всегда в душе моей совершенною преданность ко благу моего отечества и высочайшее соревнование к его славе, я соделался соучастником людей, угрожавших России толикими бедствиями».

Впрочем, каяться было уже поздно. Полевой аудиториат 1-й армии посчитал, что «его раскаяние, изъявленное единственно для облегчения заслуженной им казни, пред законом нимало уважено быть не может». 21 января поручику вынесли приговор: «Усовского, как нарушителя верноподданической государю своему присяги, изменника и оскорбителя всей высочайшей монаршей власти, лиша всех чинов и дворянского достоинства и выведя на эшафот пред полком, преломя чрез палача над головою его шпагу, сослать в Сибирь в каторжные работы». Срока каторжной работы установлено не было – соответственно, как и в случае с Трусовым, на каторгу он должен был отправиться навечно. Главнокомандующий армией генерал Остен-Сакен приговор утвердил. Император же сократил срок каторги до 20 лет [РГВИА. Ф. 16231. Оп. 1. Д. 873. Л. 37–37 об., 46–46 об., 67, 53; Декабристы 1988, с. 182].

В итоге Усовский, как и Трусов, сгинул на каторге.

Библиография

Бенкендорф А.Х. Воспоминания. 1802–1837. М.: Рос. фонд культуры; Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 2012. 760 с.

Боровков А.Д. Автобиографические записки // Русская старина. 1898. № 11. С. 331–362.

Восстание Черниговского пехотного полка // Восстание декабристов. Материалы. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. Т. 6. С. 111–132.

ГА РФ [Государственный архив Российской Федерации]. Ф. 48. Оп. 1. Д. 195.

ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 245.

Горбачевский И.И. Записки, письма. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 354 с.

Декабристы: Биографический справочник. М.: Наука, 1988. 448 с.

Драгоманов Я.А. Следственное дело // Восстание декабристов. Документы. М.: РОССПЭН, 2001. Т. 19. С. 299–316.

Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.; Л.: Госиздат, 1926. 248 с.

Нечкина М.В. Движение декабристов. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 2. 508 с.

РГВИА [Российский государственный военно-исторический архив]. Ф. 14414. Оп. 10 / 291 (11 а), св. 16 (229). Д. 103. Приказ от 9.04. 1825 г. № 51.

РГВИА. Ф. 16231. Оп. 1. Д. 793.

РГВИА. Ф. 16231. Оп. 1. Д. 852.

РГВИА. Ф. 16231. Оп. 1. Д. 863.

РГВИА. Ф. 16231. Оп. 1. Д. 873.

РГВИА. Ф. 16231. Оп. 1. Д. 897.

Усовский А.В. Следственное дело // Восстание декабристов. Документы. М.: РОССПЭН, 2001. Т. 19. С. 283–297.

References

Benkendorf A.H. Vospominanija [Memories]. 1802–1837. Moscow: Ros. fond kul'tury; Studija TRITJe; Ros. Arhiv, 2012. 760 p. (In Russ.)

Borovkov A.D. Avtobiograficheskie zapiski [Autobiographical notes]. Russkaja starina. 1898. N 11. P. 331–362. (In Russ.)

Dekabristy: Biograficheskij spravochnik [Decembrists: Biographical Handbook]. Moscow: Nauka, 1988. 448 p. (In Russ.)

Dragomanov Ja.A. Sledstvennoe delo [Criminal case]. Vosstanie dekabristov. Dokumenty [The Decembrists' Revolt. Documents]. Moscow: ROSSPEN, 2001. Vol. 19. P. 299–316. (In Russ.)

GA RF [State Archive of the Russian Federation]. F. 48. Inv. 1. Case 195. (In Russ.)

GA RF. F. 48. Inv. 1. Case 245. (In Russ.)

Gorbachevskij I.I. Zapiski, pis'ma [Notes, letters]. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1963. 354 p. (In Russ.)

Mezhducarstvie 1825 goda i vosstanie dekabristov v perepiske i memuarah chlenov carskoj sem'I [The Interregnum of 1825 and the Decembrists' Revolt in the Correspondence and Memoirs of the Members of the Royal Family]. Moscow; Leningrad: Gosizdat, 1926. 248 p. (In Russ.)

Nechkina M.V. Dvizhenie dekabristov [Decembrists' Movement]. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1955. Vol. 2. 508 p. (In Russ.)

RGVIA [Russian State Military Historical Archive]. F. 14414. Inv. 10 / 291 (11 a), bunch 16 (229). Case 103. Order N 51. Dated 9.04. 1825. (In Russ.)

RGVIA. F. 16231. Inv. 1. Case 793. (In Russ.)

RGVIA. F. 16231. Inv. 1. Case 852. (In Russ.)

RGVIA. F. 16231. Inv. 1. Case 863. (In Russ.)

RGVIA. F. 16231. Inv. 1. Case 873. (In Russ.)

RGVIA. F. 16231. Inv. 1. Case 897. (In Russ.)

Usovskij A.V. Sledstvennoe delo [Investigative case]. Vosstanie dekabristov. Dokumenty [The Decembrists' Revolt. Documents]. Moscow: ROSSPEN, 2001. Vol. 19. P. 283–297. (In Russ.)

Vosstanie Chernigovskogo pehotnogo polka [Uprising of the Chernigov Infantry Regiment]. Vosstanie dekabristov. Materialy [The Decembrists' Uprising. Materials]. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo, 1929. Vol. 6. P. 111–132.